

Т. И. Орнатская

Материалы А. А. Ахматовой в архиве К. А. Шимкевича

При издании и комментировании произведений Ахматовой текстолог неизбежно сталкивается с рядом специфических сложностей, а подчас и трудноразрешимых проблем, что объясняется, прежде всего, глубоко личностным характером большинства ахматовских произведений¹, зыбкостью такого понятия как «последняя авторская воля», частыми изменениями, вносимыми Ахматовой в посвящения и авторские даты под стихотворениями (в последнем случае речь идет не о большей или меньшей полноте подписей под автографами стихотворений, но о замене ранних дат более поздними, часто фиктивными и т.д.).

В связи с этим значительный интерес представляют поступившие в 1990 году в Рукописный отдел Пушкинского Дома экземпляры книги «Белая стая» (Стихотворения. Книга вторая. Издание четвертое, дополненное. Петербург, 1923) с дарительной надписью и рядом авторских вставок, исправлений и помет, а также автографы нескольких стихотворений, вписанных Ахматовой в старинный фамильный альбом, ей не принадлежавший.

И книга, и альбом поступили в Пушкинский Дом от ныне покойной А. К. Шимкевич, дочери известного литературоведа,

¹ Что, на наш взгляд, совсем не противоречит утверждению об «общеакмеистской», «особой профильтрованности» ее стихов (Лидия Гинзбург. Ахматова (Несколько страниц воспоминаний)//Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 132. В дальнейшем: Воспоминания).

профессора Института истории искусств Константина Антоновича Шимкевича (1887—1953). В 1920-х годах Шимкевич заведовал Кабинетом современной литературы названного Института, и при кабинете существовал и продолжал пополняться архив современной поэзии. Архив этот был также в ведении Шимкевича, что делало еще более тесными его и без того обширные служебные и дружеские связи со многими из петроградских поэтов, литераторов и ученых-филологов².

В старом частном доме на Охте, где до конца дней жил Шимкевич, у него была великолепная, в значительной мере наследственная библиотека, состоявшая из древнейших рукописных книг³, изданий XVIII—XIX веков⁴ и большого количества поэтических сборников 1910—1930-х годов.

Богатейшее рукописное собрание К. А. Шимкевича состояло как из архива его родственников (по матери он приходился племянником академику А. О. Ковалевскому; благодаря второй жене, дочери ректора петербургского университета в 1819—1821 годах М. А. Балутьянского М. М. Медем, он получил архив баронов Медем), так и его собственного, в основном относящегося к 1920—1950 годам.

В составе последнего и находятся ахматовские автографы.

Книга «Белая стая» открывается посвящением (на обложке, в левом углу), вызывающим целый ряд вопросов.

Вот полный текст посвящения:

V

Мужу и другу
Анна

5 сентября 1922

5 сентября 1927

Прежде всего, что может означать эта цифра V?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было бы, наверное, сопоставить все возможные ахматовские инскрипты — нет ли

² Многочисленные свидетельства этому находятся в его архиве, также поступившем в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

³ Дипломная работа Шимкевича была связана с древнерусской литературой и историей. Сохранившаяся часть рукописных книг ныне входит в состав Древлехранялица Пушкинского Дома.

⁴ Многие из них дополнили библиотеку Пушкинского Дома.

среди них чего-либо подобного⁵? Можно также предположить какую-то связь между цифрой V и хронологическими рамками посвящения. Ведь речь идет именно о пятилетиях 1922⁶—1927 годов.

И наконец, главный вопрос: к кому было обращено посвящение? И почему, очевидно, спустя какое-то время сами эти слова — «Мужу и другу» пытались стереть⁷? Попытка не удалась — вся запись была сделана химическим карандашом.

Наибольшую трудность представляет собою первая дата: 1922. Брак с В. К. Шилейко, официально расторгнутый в 1926 году, на самом деле распался в 1921-м — с утвердившимся в это время в жизни Ахматовой Артуром Сергеевичем Лурье (1891⁸—1966), знакомство с которым состоялось не позднее 1913 года⁹. В петербургских музыкальных и литературных кругах его считали «восходящей музыкальной звездой»¹⁰, в 1919 году Лурье опубликовал музыку на ахматовские стихи¹¹. В 1921 году Ахматова и Лурье поселились на Фонтанке, 18, в квартире О. А. Глебовой-Судейкиной. Н. А. Ольшевская-Ардова приводит слова, сказанные ей Ахматовой об этом периоде ее совместной жизни с Лурье и Глебовой-Судейкиной: «Мы обе были влюблены в одного человека». Мемуаристка прибавляет: «...но имени Артура Лурье не называла»¹².

В августе 1922 года Лурье уехал в заграничную командировку и не возвратился. Но Ахматова не забыла о нем. Свидетельства этому находим в дневниковых записях К. Чуковского¹³.

О «друге» Лурье Ахматова упоминает в единственном посвященном ему («А. Л.») стихотворении из рассматриваемого нами

⁵ В Мемориальном музее А. А. Ахматовой (С.-Петербург) среди многочисленных ее инскриптов подобных нет.

⁶ Дата «1922» на книге, вышедшей в 1923 году, объясняется просто: тираж ее был отпечатан в Берлине в 1922 году.

⁷ Вряд ли это делал кто-нибудь кроме самой Ахматовой — по свидетельству Л. В. Горнунга, поэтесса часто прибежала к резинке, стирая старый текст и вписывая новый (См.: Воспоминания. С. 180).

⁸ Точная дата рождения композитора (вместо прежней: 1893) введена в научный обиход в кн.: Кралин М. Артур и Анна: Роман в письмах. Л., 1990. С. 5. В дальнейшем: Кралин.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Воспоминания. С. 67.

¹¹ Четки. Десять песен из Анны Ахматовой. Пг., М., 1919.

¹² Воспоминания. С. 264.

¹³ Там же. С. 58, 61.

сборника: «И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий». Правда, именно в рассматриваемом нами экземпляре сборника Ахматова вычеркивает посвящение... Но в каком году она это сделала? В 1922 или 1927?

В кругу Ахматовой многие считали Лурье мужем поэтессы («...композитор Артур Лурье <...> женился на Анне Ахматовой и "переметнулся" к бывшим акмеистам») ¹⁴.

В этом же 1922 году в жизни Ахматовой начинается новый период.

Подруга Лурье И. Грэм пишет: «Уезжая в Европу, А<ртур> С<ергеевич> поручил Ахматову заботам своего друга Пунина» ¹⁵. Вскоре, в этом же 1922 году, поэтесса начинает появляться с Н. Н. Пуниным в обществе, а в декабре этого года их имена уже прочно связывают вместе ¹⁶.

Последняя дата на книге — 5 сентября 1927 года.

Логично было бы предположить, что эта последняя дата и есть дата надписи, то есть день предполагаемого вручения книги.

В этом случае книга могла быть подарена только Н. Н. Пунину.

Но и здесь есть основания для сомнений: обе даты могли появиться позднее, чем надпись «Мужу и другу» — они и сделаны другими чернилами и, возможно, после того, как надпись не удалось стереть.

И еще один момент: под словом «Мужу» просматривается почти совсем стертая дата «1922»; а под словом «другу» можно только угадать: «1927». Если Ахматова могла считать 1922 год началом ее отношений с Пуниным, то что же, в таком случае, означает год 1927? Ведь связь с Пуниным продолжалась значительно дольше — до конца 30-х годов. В таком случае, не исключено, что книга могла быть подарена Н. Н. Пунину и позднее, а смысл выделенного Ахматовой пятилетия мог быть ясен лишь им самим.

На все эти вопросы, возможно, ответ найдут биографы Ахматовой ¹⁷. Ценность же рассматриваемого экземпляра для нас

¹⁴ Юткевич С. Маяковский редактирует. Из «ненаписанных мемуаров» // Советская культура. 16 июля, 1983. С. 7. Подробнее см.: Кралин. С. 102.

¹⁵ Там же. С. 27—28.

¹⁶ Воспоминания. С. 60.

¹⁷ Для них покажутся любопытными и еще две записи с датами. Одна из них сделана Ахматовой во время пребывания в Святых Горах: в конце книги, между последней страницей и обложкой, был, вероятно, вложен цветок (или листок) и сделана помета: «С могилы Пушкина. 1924». В правом углу этой же страницы рукой неизвестного помечено: «10/ХІІ 1923. ЛЦ». Кто посторонний мог сделать в 1923 году запись в книге, еще никому не отданной и не подаренной?

заключается в другом. В том, что он использовался Ахматовой для последующей работы над составом и текстом «Белой стаи».

К какому времени относится эта работа? Предполагала ли Ахматова возможность переиздания книги? (Ведь со времени ее выхода и до появления следующей пройдет 18 лет!). На эти вопросы также еще предстоит искать ответ. Можно констатировать только одно: работа велась в два приема (в книге разновременная правка — чернилами и карандашом), и только над I—IV разделами «Белой стаи» (раздел V — «У самого моря» — содержит единственную авторскую поправку: типографская дата «1914» значительно расширена: «Нач<ата?> июль (Слепнево) кон<чена?> окт. (Ц<арское> С<ело>»)). И указано, что первая публикация появилась в издательстве «Аполлон».

На свободных страницах экземпляра вписаны карандашом три стихотворения, которыми расширялся состав «Белой стаи». Так, во II-й раздел должно было войти вписанное в самом конце книги, после содержания, стихотворение «И в Киевском храме Премудрости Бога...», помеченное датой «1915» и пометой, означающей, что стихотворение следует печатать «после стр. 35», то есть следом за стихотворением «Древний город словно вымер...». Во вписанном стихотворении предпоследняя строчка: «И в грохоте грозном Софийского звона...». В последующих изданиях слово «грохот» было заменено на «голос». Этот же II-й раздел книги Ахматова заключает вписанным в конце его стихотворением «Черная вилась дорога...», но в автографе оно имеет заглавие: «Песенка». В 13-м стихе стихотворения в автографе вариант: «черные ворота» вместо «древние ворота»; в 16-м стихе вариант: «Прошептал: Прости!» вместо: «Мне сказал: "Прости..."; в 17-м стихе вариант: «Черный крестик...» вместо «Медный крестик».

IV-й раздел открывается автографом стихотворения, не вошедшего в такие известные издания Ахматовой, как сборник Библиотеки поэта (1976) и в двухтомники ее «Сочинений» (1988 и 1990). Речь идет о стихотворении, начинающемся словами «Справа Днепр, а слева клены...».

По всему тексту книги уточнены датировки многих стихотворений, расширен круг посвящений и иногда сокращенно указывается, где стихотворение было напечатано. В большинстве своем вписанные даты впоследствии не были использованы Ахматовой. Приводим их в последовательности страниц книги:

- С. 9. «Думали: нищие мы, нету у нас ничего...» — 1915*¹⁸. Май. Спб.
- С. 10. «Твой белый дом и тихий сад оставляю...» — 1913*. Ц[арское] С[ело].
- С. 11. Уединение — 1914*¹⁹. Слепнево*. Лето*. 6 июня.
- С. 12. Песня о песне. 1916*. Лето. Слепнево.
- С. 13. «Слаб голос мой, но воля не слабеет...» Здесь в 4-м стихе 2-й строфы вариант: слово «иглой» исправлено на «стрелой»²⁰, а 5-й стих начинается со слов: «Так прошлое над сердцем власть теряет» (вместо: «Как прошлое...»). — 1913*. Царское. Весна²¹.
- С. 14. «Был он ревнивым, тревожным и нежным...» — 1914*. Осень («Невский альманах»).
- С. 17. «Вместо мудрости — опытность, пресное...» — 1914*²² («Русская мысль»).
- С. 18. «А! это снова ты...» — 1916*. Слепнево*. Июль. Лето* («Русское слово»).
- С. 19. «Муза ушла по дороге...» — 1915*. Царское Село*. Осень.
- С. 20. «Я улыбаться перестала...» — 1915*. Царское Село*. Весна*. Апрель.
- С. 22. «О, это был прохладный день» — 1913*. Зима.
- С. 26. «Нам свежесть слов и чувства простоту...» — 1915*. Май. 23 июня. Петербург. Слепнево.
- С. 31. 9 декабря 1913.— 1913²³.
- С. 33. «Под крышею промерзшей пустого жилья» — 1915*. Зима.
- С. 34. «Целый год ты со мной неразлучен...» — 1915²⁴. Весна.
- С. 35. «Древний город словно вымер...» — 1914*. Лето. Киев.
- С. 36. «И мнится — голос человека...» — 1917*. Лето.
- С. 37. Разлука — 1914*. Весна. Петербург.
- С. 38. «Чернеет дорога приморского сада...» — 1914*. Март.
- С. 39. «Не в лесу мы, довольно аукать...» — 1914*. Весна.
- С. 40. «Господь немилостив к жнецам и садоводам...» — 1915*. Лето. Ц.С.
- С. 41. «Все обещало мне его...» — 1916*. Весна. Ц.С.
- С. 43. «Божий Ангел, зимним утром...» — 1914*. Зима.

18 Здесь и далее звездочкой (*) отмечается типографская дата или текст. Остальное — рукописные вставки. По мнению И. Г. Кравдовой, в некоторых датах присутствует еще чья-то рука: возможно, поправки были сделаны со слов поэтессы. (такое случалось в ее практике). Это относится к отмеченным ниже записям на страницах 11 («дата»), 14 («Осень»), 18 («июль»), 19 («осень»), 62 («зима»), 64 («зима»), 70 («Севастополь»), 76 («Слепнево»), 97 («Петербург»), 110 («Петербург»).

19 Исправлено из «1913».

20 Правка чернилами.

21 Весна — вписано и зачеркнуто.

22 Исправлено из «1913».

23 В изд. Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л., 1976 (Библиотека поэта. Большая сер.; ниже сокращенно: БП).— 1915.

24 Исправлено из «1914».

- С. 44. «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» — 1915. 23 июня. Слепнево.
- С. 45. «Как площади эти обширны...» — 1917*. 10 марта. Петерб.
- С. 46—47. Побег — 1914*. Лето*. Июнь.
- С. 51. «Вновь подарен мне дремотой...» — Вписано посвящение: «Н. В. Н.»²⁵.
- С. 52. «Всё мне видится Павловск холмистый...» — 1915*. Царское Село.
- С. 53. «Бессмертник сух и розов. Облака...» — 1916*. Слепнево.
- С. 57. Майский снег — 1916*. Слепнево. Май. («Русская мысль». 1917. Кн. 1).
- С. 58. «Зачем притворяешься ты...» — 1915*. Слепнево.
- С. 59. «Пустых небес прозрачное стекло...» — 1914*. Сентябрь. Ц.С.²⁶
- С. 60. Июль 1914 — 20 июля 1914. Слепнево.
- С. 61. «Можжевелика запах сладкий...» — («Аполлон»).
- С. 62. «Тот голос, с тишиной великой споря...» — 1917*²⁷. Зима. Январь.
- С. 64. Утешение — 1914*. Царское Село*. Зима²⁸.
- С. 65. «Для того ль тебя носила...» — 1918*. Петербург*. Весна.
- С. 66. Молитва — 1915*. Духов День. Петербург.
- С. 67. «Где, высокая, твой цыганенок...» — 1914*. 11 апреля. Петербург.
- С. 69. «Ни в лодке, ни в телеге...» — 1916*. Осень. Севастополь²⁹.
- С. 70. «Вижу, вижу лунный лук...» — 1916*³⁰. Севастополь.
- С. 73. «Подошла я к сосновому лесу...» — 1914. Дарница. Лето*. Июль.
- С. 74. «Так раненого журавля...» — 1915*. Весна. Ц.С.
- С. 78. «Стал мне реже снится, слава Богу...» — 1912. В 3-м стихе 2-й строфы вариант: «Здесь всего слышнее от Ионы» вместо «Здесь всего сильнее от Ионы».
- С. 79. «Будем вместе, милый, вместе...» — 1915*. Весна. Петербург.
- С. 80. Памяти 19 июля 1914 — 1916*. Лето. Слепнево.
- С. 83. «Перед весной бывают дни такие...» — 1915*. Весна.
- С. 84. «То пятое время года...» — 1915*?
- С. 88—89. Белый дом — 1914*. Слепнево.
- С. 90. «Долго шел через поля и села...» — 1915*. Весна*. Царское. Вписано посвящение: Б. А.³¹

²⁵ Николай Владимирович Недоброво (1882—1919) — критик, поэт, знаток классической поэзии, друг Ахматовой.

²⁶ В БП — Новгород.

²⁷ Исправлено из: 1914.

²⁸ В БП дата другая: «Сентябрь 1914. Царское село».

²⁹ В БП — «Слепнево».

³⁰ Исправлено из «1915»; в БП — 1914.

³¹ Борис Васильевич Анреп (1883—1969), художник и художественный критик, друг Н. В. Недоброво и близкий друг Ахматовой. Это ему посвящены 17 стихотворений из «Белой стаи». После 1917 года Анреп жил в Англии.

С. 94. «Из памяти твоей я выну этот день...» — 1915*. Весна. Ц.С. («Альманах Муз»).

С. 95. «Не хулил меня, не славил...» — 1914*. Лето. Слепнево.

С. 96. «Там тень моя осталась и тоскует...» — 1917*. Январь. Слепнево.

С. 97. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» — 1917*. Петербург.

С. 98. «Небо мелкий дождик сеет...» — 1916*. Весна*. Май. Слепнево*. 1-й стих 3-й строфы исправлен: «На одну из этих башен...» вместо: «Вот на крайнюю из башен...».

С. 100. «Да, я любила их, те сборища ночные...» — Снято посвящение «А. Л.»³²

С. 101. «Не тайны и не печали...» — 1914.

С. 102. Милому — 1915*. Февраль*. Царское Село*. 27 февраля.

С. 104. «Как белый камень в глубине колодца...» — («Русская мысль». 1917. № 1).

С. 105. «Первый луч — благословенье Бога...» — 1916*. Слепнево. Лето.

С. 107. «Родилась я ни поздно, ни рано...» — 1913.

С. 108. «Лучше б мне частушки задорно выкликать...» — 1914 — 5.

С. 109. «Мне не надо счастья малого» — 1914*. Лето. Май. Петербург.

С. 110. «Еще весна таинственная млела...» — 1917*. Весна*. Петербург.

* * *

Старинный альбом, в который Ахматова записала 13 стихотворений, возможно, был частью архива Медемов — Балугьянских и от них перешел к К. А. Шимкевичу. Не исключено, конечно, что Шимкевич приобрел его для пополнения своей коллекции автографов и рисунков. Но вероятнее все же первое, так как ученый не был простым коллекционером автографов, тем более, что альбом вполне традиционен, правда, украшен очень неплохими рисунками.

Дарительная надпись в правом верхнем углу альбома гласит: «Donné par grande maman³³. 1838». Внизу этой же страницы владельческая запись карандашом: «Княжны Долгоруковой».

Представляется вероятным, что, страстный собиратель автографов современных поэтов, К. А. Шимкевич предоставил в распоряжение Ахматовой, с которой мог быть знаком хотя бы по

³² А. С. Лурье.

³³ Подарено бабушкой (франц.).

Институту истории искусств, где она бывала, этот альбом и попросил ее вписать в него несколько автографов.

На первой странице альбома поэтесса ставит свое имя в характерном написании — «А. Ахматова» — и тем же карандашом вписывает два первых стихотворения. Но карандаш был скверно отточен и поэтому заменен на чернильное перо, которым и записаны остальные 12 стихотворений.

Наше предположение, что стихотворения записывались экспромтом, на память, подтверждается, во-первых, тем, что одно из них оборвано на третьей строке («Здесь Пушкина изгнание началось...»); в другом («Одни глядятся в ласковые взоры...») оказался пропуск слова в строке и последнее слово вписано явно «наобум», под рифму, то есть строка была полностью забыта (№ 11); в-третьих, во многих стихотворениях иная, по сравнению с печатной, разбивка на строфы; к тому же пунктуация в стихах зачастую явно более «авторская», с характерными многоточиями, и, в-четвертых, с некоторыми вариантами, возникшими, возможно, по той же причине, то есть по характеру записи по памяти.

Автографы представляют значительный интерес, поскольку содержат несколько иных, по сравнению с известными, посвящений, а также ряд уточнений и исправлений в датах и пометах под стихотворениями.

Возможно также, что Ахматова еще раз возвращалась к записанным автографам, так как в уже сделанные пометы ею были внесены некоторые поправки — другими чернилами.

Обратимся к автографам в последовательности их записи, давая стихотворения в порядке их следования в альбоме, но под номером, которое данное стихотворение имеет в издании БП³⁴.

I. 320. Данте.

В эпитафии вместо: «Il mio bel San Giovanni. Dante»³⁵ в автографе: «...mio bel San Giovanni. Inferno»³⁶

В автографе стихотворение делится на 3 строфы (по 4 стиха) и помечено датой: Разлив. 17 августа (в БП: 17 августа 1936).

II. 310. «От тебя я сердце скрыла...»

После первых 4-х строк — строка-многоточие; заканчивается стихотворение строкой точек. Помечено датой: 30 окт. 1936. Ночь (в БП: 1936; в т. 1, с. 416, дата Черной тетради: 1936. 30 октября. Ночь).

³⁴ Для сравнения используются примечания из издания: Анна Ахматова. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М., 1986.

³⁵ Мой прекрасный Сан-Джованни. Данте (итал.).

³⁶ ...мой прекрасный Сан-Джованни. Ад (итал.).

III. 304. «Если плещется лунная жуть...». Посвящение: «Памяти М. Ц.»³⁷. Есть также вариант в 7-ом стихе: вместо «белоснежных нарциссов» (БП) здесь: «царскосельских нарциссов». Помета: 1928. 1 октября (в БП: «1 октября 1928»).

IV. 329. Последний тост.

Посвящение: Н. Н. П.³⁸ (ни в БП, ни в т.1 2-х томн. изд. посвящения нет). Дата: 1934³⁹.

V. «Ты прости мне, что я плохо правлю...».

Дата: 1927. Стихотворение не вошло ни в БП, ни в т. 1 2-х томн. изд.⁴⁰ Вот его текст:

Ты прости мне, что я плохо правлю,
Плохо правлю, да светло живу,
Память в песнях по себе оставлю
И тебе приснилась наяву.
Ты прости (еще меня не зная),
Что навеки с именем моим,
Как с огнем веселым едкий дым,
Сочеталась клевета глухая.

В парижском издании содержатся два незначительных варианта: в 3-ем стихе вместо: «по себе оставлю» напечатано: «о себе оставлю»; в 5-ом стихе вместо: «еще меня не зная» напечатано: «меня еще не зная».

VI. 303. «Здесь Пушкина изгнание началось».

Не закончено: В автографе лишь 3 первых строчки.

VII. Воронеж.

В автографе заглавие: «13 строк». Посвящение: Н. Х. -ву⁴¹ (в БП и т. 1 2-х томн. изд. посвящено О. М.— О. Э. Мандельштаму).

³⁷ Это же посвящение к данному стихотворению содержится в корректуре сборника «Из шести книг. Стихотворения». Л., 1940. См. в кн.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 32. О М. М. Циммермане, служившем в это время заведующим афишно-программной частью ГАТОБА (гос. академического театра оперы и балета) см. в кн.: Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка. Л., 1988. Посвящение Циммерману содержится также в дарительной надписи на книге «У самого моря» (Алконост, 1921 г.), принадлежавшей М. С. Лесману. Оно гласит: «Михаилу Михайловичу Циммерману с просьбой не замечать моего дурного характера. Ахматова. 1922» (см. в названном выше каталоге М. С. Лесмана).

³⁸ Н. Н. Пунину.

³⁹ Исправлено из: 1935 (это год ареста Пунина). В БП: 27 июня 1934. В Черной тетради — 1940.

⁴⁰ Оно напечатано в изд.: Ахматова А. Сочинения. Т. III (Дополнительный). Париж, 1983. С. 45.

⁴¹ Николаю Ивановичу Харджиеву.

После 9-го стиха: «Могучей, победительной земли» — строка-многоточие. Последних 4-х строк — нет⁴².

VIII. 186. Двустипшие.

В автографе заглавия нет. Дата: 1930 (в БП: 1931).

IX. 308. «Не прислал ли лебедя за мною...».

Дата: Москва. 1936. Февраль (в БП: февраль 1936. Москва).

X. 265. «Хорошо здесь: и шелест и хруст...».

Некоторые несовпадения в пунктуации.

XI. 309. «Одни глядятся в ласковые взоры...».

Посвящение: Н. В. Н.⁴³ (в БП и т. 1 2-х томн. изд. 1986 г. посвящения нет). Дата: 1936 (в БП: 3 ноября 1935. Фонтанный дом). Стихотворение не разбито на строфы. Содержит ряд разночтений: в 4-ом стихе вместо «совестью своей» (БП) — «совестью моей»; в 13-ом стихе вместо: «А надо мной спокойный и двурогий» (БП) оставлен пропуск: «А на-до мной... и жестокий»⁴⁴.

XII. 322. «А я росла в узорной тишине...».

Дата: 1940. 18 января (в БП: 18 января 1940). Разночтение в 6-м стихе: вместо «серебряную иву» (БП) — «одну густую иву».

XIII. 326. «Когда человек умирает».

Дата: 1940. Январь (в БП: 21 мая 1940). Содержит ряд разночтений. В 4-м стихе вместо: «другой улыбкой» (БП) — «другую улыбкой»; в 5-м стихе вместо: «Я заметила это, вернувшись» (БП) — «Я подумала это, вернувшись»; в 7-м стихе: «И с тех пор проверяла часто» (БП) — «И с тех пор замечала часто».

⁴² Отсутствие строк, связанных с Мандельштамом, вероятно и позволило Ахматовой посвятить стихотворение Н. И. Харджиеву. А может быть, строки эти появились при «перепосвящении»? Любопытно отметить, что в Черной тетради посвящение «О. М.» появилось взамен зачеркнутого: «Н. Х.» (см.: Т. 1. С. 416).

⁴³ Н. В. Недоброво.

⁴⁴ Этот пример подтверждает нашу гипотезу о том, что стихотворения вписывались в альбом по памяти.